

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 2–10, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-2-10
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Legislative and Cultural Relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th – 18th Centuries

Alexander Sh. Kadyrbaev ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: kadyr_50@mail.ru

Abstract. With evidence from the Kazakh (*Zheti Zhargy*) and Mongolian (*Ikh Tsaaz*, *Tsaajin Bichiq*) codes, the article analyzes legislative and cultural relations between the Mongolian and Kazakh nomadic communities. The paper reveals similarities between the Kazakh and Oirat codes which is due to identical economic conditions of nomadic lifestyle characteristic for Kazakhs, Oirats, Kalmyks, and Khalkha Mongols, even though the Kazakhs had experienced influence of Islam while the Oirats, Kalmyks and Khalkha Mongols professed Lamaist (Tibetan) Buddhism.

Still, there were a number of distinct features, since *Zheti Zhargy* contained some regulations of Islamic law — *Sharia* — such as, e. g., measures for the protection of Islam and, thus, provisions establishing penalties for blasphemy and conversion to Christianity, which were not to be seen in the mentioned legislative acts of Mongols and Kalmyks of Dzungaria and the Volga Region.

The relations between Kazakhs and Dzungar Oirats, Khalkha Mongols and Kalmyks were not reduced to wars only, there were cultural contacts in the forms of diplomatic practices and dynastic marriages of the national nobilities, including multiple similarities of Kazakh (*Zheti Zhargy*), Oirat-Kalmyk (*Ikh Tsaaz*) and Khalkha Mongolian (*Tsaajin Bichiq*) legislative acts.

With a certain degree of certainty, the paper testifies of a more ‘democratic’ character of *Zheti Zhargy* as compared to *Ikh Tsaaz* and *Tsaajin Bichiq* in terms of rights and liberties of all social groups of the nomads.

Still, it is impossible to depict the history of Kazakhs without relations with Mongolian peoples — Oirats, Kalmyks, and Khalkha Mongols, whatever questionable those might be, which is again confirmed by the exploration of the mentioned codes. As a result, the works of the 17th–early 18th cc. Central Asian legislators help us understand and evaluate the steppe world they emerged from, and their authors seem closer and clearer to modern society.

Keywords: steppe legislation, *Zheti Zhargy*, *Ikh Tsaaz*, *Tsaajin Bichiq*, Kazakhs, Oirats, Kalmyks, Khalkha Mongols, Khong Tayiji, Manchus, Qing Dynasty, Dzungar Khanate, *sultan*, *noyan*, *biy*, *zaisang*.

Взаимоотношения кочевых народов Великой Степи — калмыков Джунгарии и Поволжья, также известных как монголоязычные ойраты-джунгары и собственно калмыки (называемых общим тюркским словом «калмак» или «калмык» в эпосах тюркских степных народов и в их преданиях, в русских документах, где, наряду с названием «калмык» по отношению к ойратам-джунгарам, используется термин зюнгорцы или зенгорцы), а также халхасцев — восточных монголов, с тюркоязычными казахами (они же киргиз-кайсаки или киргизы в русских документах) насчитывают сотни лет. Столкновения с ойратами — калмыками Джунгарии, в этногенезе которых значительна тюркская струя, начались еще в XV в., почти одновременно с выходом казахов как этноса и государства на историческую арену Евразии. Ойраты еще во второй половине XIV в. вышли из-под власти всемонгольского хана, и ими стали управлять их предводители — тайши, тайджи, хунтайджи, чья власть тогда распространялась до западных склонов Хангайских гор на востоке, песков Гоби на юге, Семиречья на западе, верховьев Иртыша и Енисея на севере.

В конце первой половины XV в. ойратов — калмыков Джунгарии — возглавил энергичный Эсен хунтайджи, объединивший основные ойратские племена и поколения, известные как чоросы, **дэrbэты**, торгоуты и хошоуты, в один союз, распространивший свою власть на всю Монголию и претендовавший даже на восстановление государства Чингис хана. Ойраты покинули свою прародину, двигаясь на запад в поисках свободных и пригодных для кочевания земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня, в современной Джунгарии, отвоевывая их в течение XV в. у своих тюркизированных «родичей» — моголов, чье государство возникло на руинах монгольского государства в Средней Азии — Чагатайского улуса — осколка империи Чингисидов. Уже в это время ойраты прорываются до Сыр-Дарьи.

Первым из казахских ханов в войну с ойратами вступил Тахир, правивший в 1523–1531 гг. Он построил у подножия одной горы крепость «Джанатан» для отражения ойратских набегов. В 1626–1627 гг. на тропу войны с ойратами вступал хан Ишим (Есим). В борьбе с ойратами прошла вся жизнь сына и наследника Ишима — Джангир хана, побывавшего у них в плену. Джангир хан принял смерть в бою с ойратами в

1652 г., погибнув в единоборстве с хунтайджи Галданом [Султанов 2001: 204; Казахско-русские отношения...1961: 3; Левшин 1832: 59].

К середине XVII в. ситуация на казахских границах меняется. Если до этого угроза шла с востока от ойратов, то после распада в 1627–1628 гг. ойратского союза и откочевки части ойратов из его пределов — хошоутов в Тибет, а торгоутов численностью около четверти млн человек во главе с Хо-Урлюком в Нижнее Поволжье и создания ими впоследствии под протекторатом России Калмыцкого ханства за счет ослабления Ногайской Орды в этом регионе, — положение становится угрожающим для казахов и на западе. Калмыки Поволжья, находясь в составе Российского государства, тревожат своими набегами казахские и ногайские кочевья, доходя даже до Мангышлака. В свою очередь, теснимые ими казахи и ногайцы вынуждают большинство мангышлакских туркмен отступить на юг, а часть на запад, в степную зону Северного Кавказа, где и поныне обитают их потомки — ставропольские туркмены (трухмены).

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена, пережив смутное время, начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. под предводительством Батура хунтайджи, создали Джунгарское ханство, ставшее последней кочевой империей в истории Центральной Азии. В сентябре 1640 г. по инициативе правителей обновленной Джунгарии в Тарбагатае собрался всемонгольский съезд — *чулган*, где был принят в качестве всемонгольского — ойратский свод законов «Их Цааз» («Великое уложение»), призванный усилить единство монгольских народов под главенством ойратов перед лицом внешней опасности и уменьшить вероятность усобиц. Объединительные меры Батура хунтайджи, правовой основой которых в строительстве Джунгарской государственности был «Их Цааз», сопровождались развитием городов, буддийских ламаистских монастырей, земель, ремесел в подвластных Джунгарскому ханству с XVII в. оседлых областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля, населенных преимущественно мусульманскими народами [Златкин 1963; Моисеев 1991]. Впоследствии положения «Их Цааз» стали основой монгольского правового памятника «Цааджин Бичик», принятого маньчжурской династией Цин,

завоевавшей Китай и подчинившей Внутреннюю Монголию и Халху — Внешнюю Монголию, для управления монголами, а позднее, после разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками в 1759 г., и ойратами, точнее, над теми из них в лице несколько десятков тысяч человек, кто уцелел из почти миллиона калмыков Джунгарии после их резни со стороны армии Цин.

Примерно с этой же эпохой связано создание законодательного памятника казахов «Жеты-Жаргы» — «Семь уложений» хана Тауке, текст которого во многом перекликается с ойратским «Их Цааз», что, несомненно, свидетельствует о культурных связях между этими кочевыми народами. Хотя сопоставление текстов «Их Цааз» и «Жеты Жаргы» обнаруживает много общего между собой, однако «Уложение» хана Тауке не является подражанием ойратскому «Уложению» 1640 г. Общее между двумя этими «Уложениями» объясняется сходными условиями хозяйственно-производственной деятельности двух степных народов — казахов и калмыков Джунгарии XVII в.

Время правления сына Джангир, хана Тауке, ассоциируется в казахской народной памяти с «золотым веком» казахской государственности, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие», олицетворением которых были суд биев и «Семь уложений» хана Тауке. При всех ратных достижениях Тауке хана, снискавшего славу знатока военного дела и получившего за храбрость титул «батыра» в боях с ойратами и калмыками, все же главная его заслуга в казахской истории состоит в том, что он был вдохновителем законотворчества и в этом качестве строителем Казахского государства. Неудивительно, что ко времени правления хана Тауке относится деятельность самых знаменитых представителей суда биев — глав родов и племен в Казахской степи. По преданию, Тауке хан собрал для совета трех биев: Тюля бия из Старшего жуза, Казбек бия из Серединного жуза, Айтек бия из Младшего жуза, этнополитических объединений, из которых состояло Казахское ханство, называемых в русских источниках ордами, составил и обсудил с ними некоторые законоположения, регулировавшие жизнь казахского общества. По другому преданию, Тауке хан собрал семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Есима в новые обы-

чай, называемые «Жеты-Жаргы». Можно утверждать, что идея создания «Жеты-Жаргы» относится к 70-м гг. XVII в. и явилась ответным действием казахского Тауке хана и его окружения на законодательную инициативу противника Казахского государства правителя Джунгарского ханства Галдана хунтайджи, когда казахи вели изнурительную борьбу с джунгарами. Появление «Жеты-Жаргы» обусловлено стремлением приспособиться к новой военно-политической ситуации, сплотив казахов для борьбы с внешним врагом — джунгарами, война с которыми была неизбежной.

Насколько известно, у самих казахов «Жеты-Жаргы» не было записано. Оно дошло до нашего времени в поздних записях российских ученых и известно в двух редакциях на русском языке. Одиннадцать фрагментов «Жеты-Жаргы», впервые записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» (т. е. рода жаппас) Кубека Шукуралиева, были опубликованы Г. Спасским в 1820 г. на страницах издаваемого им «Сибирского вестника».

Текст второй редакции памятника приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина, видного российского ученого и государственного деятеля, снискавшего славу «Геродота казахской истории». Между тем, наиболее полная (34 фрагмента «Жеты-Жаргы») запись А. Левшина не представляет памятник в первоначальном виде. Как Г. Спасский, так и А. Левшин записали «Уложения» хана Тауке спустя более 100 лет после его составления, что отразилось на точности его передачи, в частности из-за публикации его не на языке оригинала. Это имеет свои негативные стороны, поскольку социальная, правовая и иная терминология правового памятника не отражает понятий, бытовавших в казахском обществе XVII столетия. Тем не менее именно Г. Спасскому и А. Левшину принадлежит честь открытия «Жеты-Жаргы» для мировой науки. Таким образом, история изучения памятника имеет давнюю традицию. К «Жеты-Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов.

Сходство между казахским и ойратским «Уложениями» объясняется, как мы уже говорили, и идентичными условиями хозяйственно-производственной деятельности кочевого образа жизни, который вели казахи и ойраты с калмыками и халхасцами, не-

смотря на то, что казахи оказались под влиянием исламской цивилизации, а ойраты и калмыки с халха-монголами — ламаистской или тибетской ветви буддизма. И данное обстоятельство обусловило, при всем сходстве казахского и ойратского «Уложений», и ряд отличий между ними, поскольку в «Жеты-Жаргы» вошли некоторые установления мусульманского права — шариата, в частности предусматривавшие меры по защите ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство, положений, которых не могло быть в указанных правовых памятниках халхасцев, калмыков Джунгарии и Поволжья. Несмотря на многовековые контакты с исламской цивилизацией, мусульманами стали лишь немногие ойраты, потомки которых стали известны в Средней Азии позднее под названием сарткалмаки, ныне представляющие одно из родоплеменных объединений киргизов. Из современных монголоязычных народов мусульманами стали немногочисленные дунсяне (150 тыс. чел.) и баоань (10 тыс. чел.), живущие ныне в Северо-Западном Китае (Синьцзяне), в Восточном Туркестане.

Как и «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» носил сословный характер, законодательно закреплял традиционные привилегии ойратского и калмыцкого обществ и деление их на «цаган» и «хара ясун» («белую» и «черную кость»). Например, самый распространенный вид наказания у казахов — *кун* (имущественное вознаграждение, возмещение) — изменялся в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего, что свидетельствует о классовом характере «Жеты-Жаргы», когда за каждого убитого мужчину, человека из простого звания убийца платил его родственникам «1 000 баранов», за женщину 500, а за убийство султана или ходжи *кун* взимался как за семь взрослых мужчин-простолудинов (статьи 3 и 4). За членовредительство и побои, оскорбление словами также платили определенным количеством скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец — 20. Обида, нанесенная словами султану или ходжи, наказывалась в «9 скотин». За побои взыскивалось «27 скотин». Аналогичны были наказания за подобные преступления и по ойратскому «Уложению»: «Кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка и пять (скотин), за лишение среднего взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять (ско-

тин), за мизинец взять три (скотины)»; «Кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей <...> с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей <...> с того взять пять (скотин), если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка» [Султанов 1982: 70–71].

У казахов высшими сословиями была знать «белой кости» — потомки Чингис хана, они же султаны или «торе», из числа которых вышли все ханы Казахского ханства, и «кожа», или ходжи — потомки сподвижников пророка Мухаммада, представители мусульманского духовенства. У ойратов и калмыков, как нам представляется, высшим сословиям соответствовали по властным полномочиям хунтайджи-правители и нойоны. Как и титул «султан» у казахов, звание «нойон» было наследственным, по праву рождения. Большим почетом в ойратском и калмыцком обществах пользовались ламаистские священнослужители, освобожденные от податей, военной службы и прочих повинностей, в подчинение которым хунтайджи и нойонами выделялись из простых кочевников люди, так называемые «шабинеры», освобожденные по закону от податей и несения воинской службы.

К ойратской знати, подобно биям у казахов, вероятно, можно отнести зайсангов, которые часто по наследству управляли аймаками — административно-хозяйственными единицами, на которые делились Джунгарское и Калмыцкое ханства. Но, в отличие от биев, власть которых над своим родом-племенем всегда вытекала из наследственного принципа, зайсанги могли быть отстранены от власти по произволу нойонов и хунтайджи, лишиться этого звания и даже жизни. В казахском же обществе чаще ханы опасались биев, поскольку из-за трений с ними могли лишиться военной поддержки возглавляемых биями родоплеменных ополчений, из которых в основном формировалось войско Казахского ханства. Кроме того, ойраты и калмыки не знали такого явления как суд биев, освященного казахской народной традицией, поскольку зайсанги не обладали судебными полномочиями. Особое место в ойратской сословной структуре занимали дарханы и эркетени, где-то очень условно их можно сравнить с казахским военным сословием батыров. Они за особые заслуги освобождались от податей, повинностей и

власти зайсангов, могли свободно кочевать в составе любого аймака или даже вне его. По законам 1640 г. дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в бою. В Калмыцком ханстве возможности стать дарханом значительно расширились, от податей и повинностей освобождались не только они сами, но и члены их семей.

Основную массу населения Джунгарского и Калмыцкого ханств составляли простолудины-кочевники, так называемые албату. Как и казахские кочевники, они несли воинскую повинность, платили подати на содержание хунтайджи и нойонов, однако на этом сходство заканчивается. Если казахские кочевники были свободными людьми, к тому же имевшими личное оружие, хотя и не обладали правами знати «белой» и «черной кости», то, в отличие от них, албату были полностью подчинены своим нойонам и зайсангам, которые могли их наказывать, освобождать, продать в одиночку или с семьей другому владельцу. Позднее, к XVIII в. у ойратов и калмыков была категория населения, сопоставимая с аналогичной в казахском обществе категорией «кул». Они были полностью зависимы от своего хозяина, которым мог быть не только представитель знати, но и простой кочевник. При этом люди такой категории составляли «исключительную собственность» хозяев, которой последние могли располагать «по своему усмотрению», в литературе их называют по-разному — *цоохоры*, *китады*, *цоохор мухулай*, *цоохор китады* [Султанов 1982: 67–76; Горяев 1997: 24–26]. Эта категория населения сопоставима с рабами, которые не признавались юридическим лицом ни у казахов, ни у калмыков Джунгарии и Поволжья, ни у халхасцев. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит 16 статья «Уложения» хана Тауке. Но, если у казахов за владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежавшего ему раба, то по ойратскому «Уложению»: «Кто убьет своего раба, с того взять пять девяток; кто убьет рабыню, с того взять три девятка» [Султанов 1982: 73].

Как и в правовых памятниках «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», основное место в «Жеты-Жаргы» отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно «Уложению» хана Тауке, в перечень преступных действий включались: убийство, увечье, изнасилование, побои, воровство, оскорбление, несоблюдение правил сыновней почтительности, прелю-

бодеяние, кровосмешение. В «Жеты-Жаргы» зафиксировано правило на тот случай, когда следствием ушиба женщины было рождение мертвого ребенка: «Если женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого младенца, то с виновного плата взыскивается по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев — за каждый месяц по одной лошади; а за младенца от пяти до девяти месяцев — за каждый месяц по одному верблюду» (статья 8). По ойратскому «Уложению»: «Кто будет причиной выкидыша дитяти, с того взять столько девяток, сколько месяцев было (выкидышу)». Счет по девяткам встречается еще в Великой Ясе Чингис-хана, привычен для ойратского «Уложения» и встречается в «Жеты-Жаргы»: например, при совершении воровства учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину «трижды девять (27) раз украденное». Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации в «Жеты-Жаргы» предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства. У калмыков Джунгарии, согласно повелению Галдана-хунтайджи, судьи должны были выделять определенную часть возмещения «на двор князя», причем невыполнение этого повеления влекло за собой штраф в двукратном размере. Если в «Жеты-Жаргы» за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избиение родителей) виновника предавали публичному позору, сажая на черную корову лицом к хвосту и навязывая на шею старый войлок (при этом корову водили по аулам и стегали виновного плетью), то в «Цааджин Бичик» за избиение отца или матери предусматривалась материальная компенсация в размере три девятки голов скота. Изнасилование приравнивалось в «Жеты-Жаргы» к убийству, а в ойратском «Уложении» за изнасилование девушки узаконивался штраф в размере «двух девяток скота». Хотя и у казахов, если виновный женился на изнасилованной им девушке и уплачивал за нее соответствующий калым, он избавлялся как от смертной казни, так и от выплаты куна (статья 9). В области семейно-брачных отношений утверждалось право власти родителей над жизнью детей и закреплялось неравноправное положение женщины в семье. Согласно «Уложению» хана Тауке, мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее оставить у себя,

уплатив мужу калым и дав ему, помимо этого, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которая, однако откупалась уплатой куна (статья 11). В «Цааджин Бичик» по подобным делам вопрос о казни даже не ставился, зато, в отличие от «Жеты-Жаргы», четко регламентировалось материальное возмещение в зависимости от социального статуса потерпевшей: «Кто подготовит (с собою) к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит (с собою) к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девятков с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе» [Голстунский 1880: 56].

Картина контактов казахов с ойратами, халха-монголами и калмыками в это время будет неполной, если не затронуть, наряду с правовым, и культурный аспект, в частности языки, на которых основывалась дипломатическая практика указанных сторон, в том числе и во взаимоотношениях друг с другом. К их числу относились монгольский, ойратский или калмыцкий, среднеазиатский тюрки или чагатайский, фарси или новоперсидский языки. Интересно, что посольство хана Серединного жуза казахов Аблая, чье мусульманское имя Абиля-Мансур, в Санкт-Петербург во главе с Урусом, вело переговоры с российскими властями в 1762–1763 гг. на монгольском языке. Первое послание цинского императора Цяньлуна к казахам в 1755 г. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжуро-китайскими войсками в Джунгарии, а в состав цинского посольства к казахам были включены ойраты как проводники и переводчики. Сам Цяньлун знал монгольский, чагатайский и тибетский языки. Дипломатическая переписка его двора с казахскими и кокандскими ханами осуществлялась и на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке [Бейсембиев 2004: 64].

Некоторые представители казахской верхушки, в частности упомянутый Аблай хан Серединного жуза и его современник, хан Старшего жуза Жолбарыс, знали персидский и ойратский языки. Известен случай, когда им пришлось «толковать» цинским послам, чей переводчик плохо говорил по-казахски, «на колмацком и персидском разговоре». В 1759 г. цинские власти «отправили обратно к Аблай-салтану с письма-

ми на двух языках — калмыцком и мунгалском» его послов, побывавших при дворе императора Цинской династии. К тому же русские источники сообщают, что «сам он Аблай по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает» [Хафизова 1995: 252–253; АВПРИ. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762–1763. Л. 49, 54–54об.].

Среди известных персонажей казахской истории хан Младшего жуза Абулхаир, возглавивший борьбу казахов с джунгарским нашествием, в молодости долгие годы провел в окружении калмыцкого хана Аюки, хорошо знал калмыцкий язык и традиции калмыков. К этому можно добавить, что одной из жен Абулхаира хана была калмычка Баяна.

Таким образом, взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками, это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты-Жаргы» и «Их Цааз», а также других монголов — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом.

Вместе с тем при всех параллелях между «Жеты-Жаргы» с «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», они имеют и существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах, которые по этому признаку, хотя еще нельзя назвать государствами восточной деспотии, но все же можно признать, что ойраты и калмыки гораздо ближе подошли к этому образцу, чем казахи, не говоря уже о положении монголов, подвластных маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 г. в Китае. Ойратский «Их Цааз», и в особенности монгольский «Цааджин Бичик» отличаются от «Жеты-Жаргы» чрезмерной регламентацией всех сторон общественной и частной жизни кочевников. Если в «Уложении» Тауке хана есть понятие преступления против личности, нравственности и семьи, имущественных отношений, но нет понятия преступления против государства, т. е. политических и должностных преступлений, преступлений против основных правил государственной жизни и общественной морали, то в «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» предусмотрена за преступления против государства целая

система наказаний. В «Жеты-Жаргы», если, например, сын доносил на отца, совершившего преступление против государства или кого-либо, то наказанию подвергали в первую очередь сына за донос, ибо «на старшего нельзя доносить» (статья 20). Жена и дети, знавшие о преступлении мужа и отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию. В первой редакции «Жеты-Жаргы» содержалась только одна статья, по которой разрешалась смертная казнь: «Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание, или доказан будет четырьмя свидетелями, для страху другим убивали». И смертная казнь у казахов была только двух видов: удушение и побивание камнями (за богохульство), что было крайне редким явлением, поскольку для обвинения требовались показания семи свидетелей. К тому же, в отличие от хунтайджи, халхасских владетелей и маньчжурских богдыханов, казахские ханы и султаны не могли наказывать преступников без согласия глав родов и племен — биев, в руках которых была законодательная и судебная власть, ополчения возглавляемых ими родов, формировавшие основные военные силы Казахского ханства, а если такие попытки предпринимались, то род, из которого происходил виновный, вставал на его защиту [Моисеев 1991: 90].

Вышеизложенные обстоятельства обусловили, говоря современным языком, конечно, с заметной долей условности, более «демократический» характер «Жеты-Жаргы» сравнительно с «Их Цааз» [Их Цааз 1981; Голстунский 1880; Гольман 1959: 139–162] и «Цааджин Бичик» в части прав и свобод всех сословий кочевого общества, каковыми были казахи, ойраты и калмыки, монголы. Кроме того, предопределили большую слабость казахской государственности по сравнению с таковой у калмыков Джунгарии и Поволжья, и, тем более, с халха-монгольской под властью Цинской династии, на порядок более централизованных и эффективных в плане военной организации, что и проявилось в джунгарско-казахских войнах и столкновениях казахов с калмыками и цинскими войсками, кавалерию которых в немалой степени представляли халхасцы. Но войны канули в Лету, а культурные контакты этих народов продолжают, поскольку невозможно представить историю казахов вне связей с монгольскими народами — ойратами, калмыками и хал-

хасцами, какими бы неоднозначными они не были, о чем и свидетельствуют рассмотренные выше памятники права казахов, ойратов и монголов — «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» и «Цааджин Бичик».

При всем сказанном «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» — творения законодателей кочевых народов Центральной Азии XVII – начала XVIII вв. — позволяют оценить тот степной мир, в котором они появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим памятникам видно, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. 1762–1763.

Литература

- Бейсембиев Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Рух-Мирас. Казахстанский культурологический альманах. 2004. № 2 (2). С. 58–68¹.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями К. Ф. Голстунского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Гольман М. И. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М.: Вост. лит., 1959. С. 139–162.
- Горяев М. С. О состоянии калмыцкого общества и хозяйства в конце XVIII–XIX вв. // VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации (Улан-Батор, август 1997 г.). М.: ИВ РАН, 1997. С. 24–26.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Наука, 1983. 332 с.
- Их Цааз («Великое уложение») — памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация,

¹ Статья также опубликована в: 1) Shygys. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. № 1. С. 53–64; 2) Тюркологический сборник. 2006. М.: Вост. лит., 2007. С. 77–94.

- перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. 148 с.
- Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
- Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана: ТОО «Астана Даму-21», 2006. 256 с.
- Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1982. 160 с.
- Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 286 с.
- Economics, history, archaeology). Moscow, Vost. Literatura Publ., 1959, pp. 139–162 (In Russ.).
- Goryaev M. S. *Osostoyanii kalmytskogo obshchestva i khozyaystva v kontse XVIII–XIX vv.* [About Kalmyk society and economy in the late 18th — 19th cc.]. *VII Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov. Ulan-Bator, avgust 1997 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* (7th International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar, August 1997. Reports of Russian delegates). Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 1997, pp. 24–26 (In Russ.).
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758. Izd. 2-e. otv. red. G. D. Sanzheev* [A History of the Dzungar Khanate. 1635–1758. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 332 p. (In Russ.).
- Ikh Tsaz (Velikoe ulozhenie)* — *pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. Oyratskiy tekst, transliteratsiya svodnogo oyratskogo teksta, rekonstruirovannyi mongol'skiy tekst i ego transliteratsiya, perevod, vvedenie i kommentarii S. D. Dylykova* [The Great Code — a monument of the 17th c. Mongolian feudal law. The Oirat text, transliteration of the consolidated Oirat text, reconstructed Mongolian text and its transliteration, translation, introduction and comments by S. Dylykov]. Moscow Nauka Publ., 1981, 148 p. (In Russ.).
- Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations: the 16th–18th cc. Collected documents and materials]. Almaty, Acad. of Sc. of the Kazakh SSR Press, 1961, 741 p. (In Russ.).
- Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kaysakikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepey. Ch. 2. Istoricheskie izvestiya* [A description of Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes. Part 2]. St. Petersburg, K. Kray Publ., 1832, 334 p. (In Russ.).
- Moiseev V. A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi. XVII–XVIII vv.* [The Dzungar Khanate and Kazakhs: the 17th–18th cc.]. Almaty, Gylym Publ., 1991, 238 p. (In Russ.).
- Sultanov T. I. *Podnyatye na beloy koshme. Khany kazakhskikh stepey* [Those (Seated and) Raised on the White Felt. Khans of Kazakh steppes]. Astana, Astana Damu-21 Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).
- Sultanov T. I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv.: (voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii)* [Nomadic tribes of the Aral Sea Region in the 15th–17th centuries: (issues of ethnic and

Sources

AVPRI — *Arkhib vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire]. (In Russ.).

References

Beysembiev T. K. *Sredneaziatskiy (chagatayskiy) tyurki i ego rol' v kul'turnoy istorii Evrazii (vzglyad istorika)* [Central Asian (Chagatai) Turks and their role in the cultural history of Eurasia (a historical perspective)]. *Rukh-Miras Almanac of Kazakhstan*, 2004, No. 2 (2), pp. 58–68 (In Russ.).

Golstunsky K. F. *Mongol'sko-oyratskie zakony 1640 g., dopolnitel'nye ukazy Galdan khuntaydzhi i zakony, sostavlenkiye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi. Kalmytskiy tekst s russkim perevodom i primechaniyami K. F. Golstunskogo* [Mongolian-Oirat laws of 1640, additional decrees by Galdan Hong Tayiji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi. A Kalmyk text with a Russian translation and notes by K. Golstunsky]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1880, 143 p. (In Kalm. and Russ.).

Golman M. I. *Russkie perevody i spiski mongolo-oyratskikh zakonov 1640 g.* [Russian translations and original texts of the 1640 Mongol-Oirat laws]. *Mongol'skiy sbornik. Ekonomika, istoriya, arkheologiya* (The Mongolian Digest.

social history)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 160 p. (In Russ.).
 Khafizova K. Sh. *Kitayskaya diplomatiya v*

Tsentrāl'noy Azii (XIV–XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (the 14th–19th cc.)]. Almaty, Gylm Publ., 1995, 286 p. (In Russ.).

УДК 94 (47)+(470.47)

ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАЛМЫКОВ ДЖУНГАРИИ И ПОВОЛЖЬЯ, ХАЛХАСЦЕВ С КАЗАХАМИ: XVII–XVIII вв.

Александр Шайдатович Кадырбаев¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: kadyr_50@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых и культурных взаимосвязей между монгольскими и казахским кочевыми народами на материале памятников степного права: казахского «Жеты-Жаргы», монгольских «Их Цааз» 1640 г. и «Цааджин Бичик», составленного во время правления маньчжурской династии Цин в Китае, когда ее армия пыталась покорить монгольские народы. В работе выявлены особенности в праве казахов и ойратов, которые обусловлены идентичными социально-экономическими условиями кочевой жизни, характерными для казахов, ойратов, калмыков, халха-монголов, несмотря на значительное влияние ислама на казахское право и буддизма на ойратов, калмыков и халха-монголов. Данное обстоятельство обусловило, при всем сходстве казахского и ойратского «Уложений», и ряд отличий между ними, поскольку в «Жеты-Жаргы» вошли некоторые установления мусульманского права — шариата, в частности предусматривавшие меры по защите ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство, положений, которых не могло быть в указанных правовых памятниках халхасцев, калмыков Джунгарии и Поволжья.

Взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками, это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками — «Жеты Жаргы» и «Их Цааз», а также других монголов — «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом. «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» — творения законодателей кочевых народов Центральной Азии XVII – начала XVIII вв. — позволяют оценить тот степной мир, в котором они появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим памятникам видно, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным.

Ключевые слова: степное право, «Жеты-Жаргы», казахи, «Их Цааз», ойраты, калмыки, «Цааджин Бичик», халхасцы, хунтайджи, маньчжуры, Цин, Джунгарское ханство, Чингизиды, султан, нойон, батыр, бий, зайсанг.